

Телес. - 1992 - 4 - 20 сент. - с. 22

РЕТРО

Если вы пройдете по Тверской вниз к Кремлю, то не подалеку от Пушкинской площади, там, где магазин иностранный книги, увидите арку.

От арки к Никитским воротам протянулся Леонтьевский переулок. Здесь, в доме номер 24, я имел честь родиться и прожить долгие годы.

Кроме многочисленных семей с ватагой, мягко говоря, озорных ребят, квартиры в доме населяли люди, известные всей стране. Через стенку от нас, например, жила семья Расковых. И однажды на стене нашего дома появился огромный портрет очень красивой женщины с гладко зачесанными волосами. Это была Марина Михайловна Раскова, одна из тройки летчиц, первых женщин — Героев Советского Союза. А на втором этаже жил высокий горбоносый молодой человек с каркающим голосом. Кто-то у себя, на коммунальной кухне, где знали абсолютно все, узнал, что это актер — Ростислав Янович Плятт.

Как-то под вечер, накануне учебного года, Плятт подошел ко мне и, хлопнув по плечу, громко каркнул:

— Завтра придешь в 4"Б" класс. Буду ждать.

Оказалось, он собрался руководить школьным драматическим кружком и решил привлечь меня в роли главного героя пьесы "Сын". Дебют мой на сцене оказался удачным, а спустя несколько дней я неожиданно повстречал Ростислава Яновича у "елисеевского" гастронома. Он остановил меня и попросил подождать. Вскоре Плятт вышел из магазина со слегка оттопыренным карманом.

— Пошли!

За Моссоветом мы свернули в Брюсовский переулок и вошли в подъезд небольшого дома. Поднялись по лестнице. Дверь открыла симпатичная, слегка прихрамывающая женщина. Оказалось, это жена Качалова — Нина Петровна Литовцева. Я, представленный Ростиславом Яновичем, церемонно пожал протянутую руку.

И вот мы у Качалова. Он лежал в постели, в пижамной куртке. Рядом на стуле — книга. На обложке поблескивало пенсне. Теперь уже Плятт представил меня не как "Только с нашего двора", а как лучшего актера школьного драмкружка. После обычных разговоров

Анатолий КРУГЛАКОВСКИЙ

"ЖДУ ТЕБЯ на спектакле..."

Встречи с Пляттом

о здоровье, Плятт вытащил из кармана маленькую бутылочку, а Качалов попросил жену принести две рюмки.

— Надеюсь, вы еще не выпиваете, молодой человек?

Я не нашелся, что ответить и стал разглядывать фотографии и картины на стене. Плятт и Качалов о чем-то говорили, потом Качалов раскрыл книгу и начал читать стихи. Голос его был мягкий, певучий. Я замер, а Плятт сидел, задрал голову, с закрытыми глазами.

Отзвучали стихи, настроение сменилось и Плятт, оглянувшись на меня, наклонился к Качалову и начал что-то рассказывать. Я хорошо слышал его голос. Это был анекдот.

Плятт с ярко выраженным кавказским акцентом говорил: "В газете "Бакинский рабочий" появилась передовица, кончавшаяся словами: "Под знаменем Маркса, Ленина, Сталина и товарища Багирова вперед, к победе коммунизма!" Статью показали Сталину.

— Багирова ко мне! (В то

время — первый секретарь ЦК КП Азербайджана. — А. К.)

— Слушаю вас, товарищ Сталин.

— Газету "Бакинский рабочий" читаешь?

— Сами издаем, сами читаем.

— Читай это место.

— Под знаменем Маркса, Ленина, Ста-а-алина и — почти шепотом — товарища Багирова вперед, к победе коммунизма.

— Ты понял свою ошибку, Багиров?

— Конечно, понял. Приеду, немедленно исправлю.

Приехал в Баку. Приказывает:

— Ко мне редактора "Бакинского рабочего".

— Слушаю вас, товарищ Багиров.

— Газету "Бакинский рабочий" читаешь?

— Сами издаем, сами читаем.

— Читай.

— Под знаменем Маркса, Ленина, Сталина и товарища Ба-а-гирова вперед, к победе коммунизма.

— Ты понял свою ошибку?

— Нет.

— Вай! А где Энгельс?"

Василий Иванович громко хохотал, немного всхлипывая. Вошла Литовцева и не-

доуменно посмотрела на двух хохотавших мужчин и одного серьезного мальчишку. Качалов, обратясь к ней, еле выговорил: "Потом расскажу".

...Когда мы вышли на улицу, Плятт наклонился ко мне:

— Ты видел сегодня великого артиста. Если будешь любить искусство или, дай Бог, принимать в нем участие, эта встреча останется в тебе на всю жизнь.

Она и осталась. Вместе с анекдотом.

Только много позднее до меня дошло: а ведь из-за этой, в сущности, безобидной байки могли погибнуть два таких человека. Ведь не пощадили бы и Качалова, не говоря уж о молодом Плятте.

Прошло много лет. Плятт переехал в другой дом, но я иногда встречался с ним после спектаклей.

Обычно он бывал молчалив, видимо, остывая от выплеснутого на публику. Но однажды все-таки разговорился. Иду я по Тверской, а навстречу, медленно постукивая тростью, Ростислав Янович. Остановились. Он стал спрашивать о моих делах. Я сказал, что видел недавно во МХАТе "Милого лжеца". В восторге от Степановой, а Кторов какой-то ходульный, неискренний.

— Приходи к нам, — сказал Плятт. (В театре имени Моссовета, где он "служил", шла та же пьеса).

В назначенный день я пришел в театр. Зал был полон. На мой взгляд, Любовь Орлова в "моссоветовском" спектакле немного уступала Степановой, хотя ее высочайшая личная и сценическая культура помогли и ей создать интересный образ. Поразило меня другое. В одной из сцен Плятт произносил длинный философский монолог. И если во мхатовском спектакле этот монолог я, признаюсь, не заметил (то ли его безжалостно сократили, то ли убрали вовсе), то здесь, хотя звучал он не меньше пятнадцати минут, зрители сидели, как завороченные. И бесконечные аплодисменты были подтверждением высочайшего мастерства Плятта.

Незадолго до смерти Ростислава Яновича, мы встретились в ЦДРИ.

Плятт очень изменился. Это был уже не тот неистовый на выдумку, разудалый человек.

— Почему не ходишь в театр? — спросил он.

— Постарел, наверное, — ответил я.

— Жду тебя на спектакле "Дальше тишина".

Многое повидал я на своем веку — смерть, кровь, то есть самое страшное, с чем приходится сталкиваться людям, но ни разу так не плакал, как в тот вечер, когда слушал монологи Фаины Георгиевны Раневской и Ростислава Яновича Плятта. У меня не было такого горького и одновременно светлого чувства даже на войне.

Да, действительно, дальше — тишина. И мы больше никогда не услышим живых голосов великих артистов.

фото Н. Гранова.